

Воспоминания

Времена студенческие

Почти каждому бывшему студенту приходилось иногда в жизни, обычно случайно, при капитальной переборке всего накопившегося, покрытого пылью времен, архива, наткаться на забытые конспекты времен обучения. Иной раз они попадаются в довольно заметном количестве, в другой раз — в виде одной небольшой тетрадки, в которой и написано всего несколько строк.

Итак, с 1-го сентября 1946 года я стал студентом первого курса дорожно-мостового факультета Саратовского автомобильно-дорожного института имени В.М. Молотова, отделения «мосты и тоннели». Это – старейший технический ВУЗ Саратова, занятия в котором начались 6 октября 1930 года. Ныне это – Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

В 1946 году на первый курс института было принято человек 300. Процентом 60 из них составляли демобилизованные из армии, в том числе несколько женщин, остальные – парни и девушки, только что окончившие среднюю школу. Большая часть студентов жила в общежитии, приехали с периферии – из городов и деревень Саратовской области: Аркадака, Вольска, Аткарска, Ершова, Екатериновки, Семенно-Полтавки, а также из Сталинградского края. Студенты – саратовские горожане выделялись своим интеллектом, одеждой, манерой поведения. Но, после первых же экзаменационных сессий оказалось, что на факультетских досках почета в большинстве висят фотографии тех, кто еще вчера был «деревня».

Я получил направление в общежитие, поселили на 4-м этаже, в комнате 8 человек, потом стало 10.

Выдали хлебные и продовольственные карточки. Хлеба по карточкам студентам полагалось в день 500 граммов. Продовольственную карточку нужно было сдать в институтскую столовую, и тогда там уже можно было

обедать – выдавали бумагу с талонами на каждый день, называемую «рацион». Кормили, по тем временам, терпимо – на второе даже давали что-то мясное, типа котлеты, или рыбу, но приходилось есть и щи из крапивы. Однажды, приехавший из Бакур знакомый, спрашивая, сколько стоит суп в нашей столовой, сказал: «В вашем супе за 1 рубль 20 копеек, наверное, далеко-о-о видно». Сахару студентам полагалось на месяц 400 граммов, довольно часто сахар заменяли пряниками, но уже 800 граммов. После того, как голодный студент покупал месячную норму пряников, у него на следующее утро хорошо, если оставалось 1-2 штуки. Сложнее было с хлебом. Стипендию на первом курсе платили 295 рублей. Этих денег на еду, минимальные потребности в тетрадах, карандашах, чертежной бумаге, линейках, иногда на кино или танцы явно не хватало. Частенько за обеды по «рациону» платить было нечем. Тогда хлеб по карточкам можно было купить за три дня: за вчера (опоздание на один день разрешалось), за сегодня и за завтра. Хлеб за позавчера пропадал, а на послезавтра его не давали. Предприимчивый студент получал сразу свою трехдневную норму и нес этот хлеб на базар. Буханка хлеба на базаре стоила 150 рублей. Сразу решалась проблема со столовой, но обедать приходилось без хлеба и не только обедать...

На первом этаже общежития находился студенческий буфет. Ничего хлебного или сахарного там купить было нельзя, просто ничего не было. Но кусочек сыра, немного самой дешевой колбасы иной раз можно было купить. Зато по утрам и вечером в буфете был чай – заваренный и сладкий. Наша комната, как и многие другие, командировала в буфет одного студента с большим чайником, и он приносил чай на всех. Часто студенческий завтрак состоял из одного этого сладкого чая.

Голодные студенты пытались как-то заработать на еду: ходили на товарную станцию разгружать сою и даже в речной порт. Сою жарили на сковороде и в таком виде ели. Не пробовали? Попробуйте – штук десять вроде вкусно, а дальше почти противно, но есть то хочется!

С военных и послевоенных времен у меня и у большинства таких, как я, выработались определенные привычки. Мы стали совершенно неприхотливыми в еде. Я не ем разве что вареный лук, остальное – практически все. Если что-то вам положили на тарелку, все надо съесть – тарелка должна быть чистой. Когда еду подали на стол, надо сразу же садиться и быстро кушать – стоять и остывать еда не должна. Ну, и конечно, тем, что есть покушать, ты, в первую очередь должен поделиться с теми, кто

рядом с тобой. Так же мы были очень неприхотливыми в одежде, в быту, спокойно переносили жизненные трудности. Когда, уже после института, в феврале 1953 года мне пришлось отправиться по вызову в Москву для решения вопроса о новом назначении, я приехал туда в плаще и в шляпе, приличной зимней одежды у меня не было. Люди нашего поколения к лекарствам и докторам обращаются, только уж когда совсем приспичит, привычка – болеть-то всегда было некогда. Многие из нас свято верят учению Кашпировского о том, что человеческий организм имеет в себе могучие силы, способные справиться почти с каждой болезнью.

Поселившись в общежитии, мы сразу голосованием решили самый «большой» вопрос – курить или не курить в комнате? Голосование – пять против трех (я был среди некурящих), определило: «курить в комнате можно». С тех пор мы все были достаточно хорошо на всю жизнь пропитаны никотином. Жили мы не полной коммуной, питались вместе по двое-трое или индивидуально. А, вот, красивую рубашку, полуботинки – тогда слово «туфли» употреблялось только для женской обуви, – на свидания или в других подобных случаях, обычно, по очереди одевали почти все. Галстук в комнате был всего один. Было две опасных бритвы, которые перед бритьем «наводили» на ремне. Такой бритвой часто резались, заклеивали порезы бумажками. Лезвия для безопасных бритв исчезли еще в начале войны, а о существовании электрической бритвы мы только слышали. И понятия не имели, что может существовать специальная пена для бритья, разводили мыло и пользовались только обыкновенным бритвенным помазком. Мы привыкли к обстановке, когда в комнате одновременно кто-то занимался – чертил или зубрил учебник, кто-то читал художественную книгу, кто-то играл на гитаре, ему подпевали, травили анекдоты, а кто-то просто спал. И это была совершенно нормальная, обычная обстановка. Потом нам подселили еще двоих...

Этажом ниже жили девчата. Иногда к нашим парням, к тем, кто постарше, приходили «ночевать» посторонние девушки и тогда вечером начиналось переселение, все остальные из комнаты уносили свои постели, и даже кровати.

Утром за час до начала занятий нас будили, и не просто будили, приносили ручную сирену и в коридоре начинали ее крутить. От страшного воя, как во время воздушной тревоги, все вскакивали.

По субботам работала душевая. Мылись, стирали белье. Мыло туалетное было большой редкостью, пользовались хозяйственным.

Стиральных порошков тогда еще не выпускали. Нижнее белье можно было сдать в дезкамеру на «прожарку». В душевой на телах студентов-фронтовиков, которых вместе с нами поступило в институт больше половины, приходилось видеть страшные следы войны. У некоторых было по два-три и даже больше шрамов, и не узеньких следов от ножа хирурга, а огромных, когда из тела было вырвано столько, что даже представить себе было трудно, как мог человек вынести такое, что эти бывшие солдаты чувствовали, какую боль перенесли. Кое-кто ходил на протезе.

Обычные студенческие шутки иногда кончались тем, что утром кто-нибудь из тех, кто очень крепко спал, оказывался спящим в кровати прямо в коридоре общежития. Или чьи-то брюки утром оказывались подвешенными к люстре.

Институт и общежитие находились в поселке Агафоновка, куда надо было добираться трамваем. Трамвайные вагоны тогда были в два раза короче сегодняшних, почти все с сидениями – лавками вдоль вагона, «лицом» к проходу, двери вагонов были обычные, без всякого автоматического закрывания, их открывал любой пассажир.

Можно было «спокойно» сесть в трамвай или спрыгнуть с него на ходу, что мы очень часто и проделывали. С наружной стороны у трамвая внизу была сделана окантовка из металлического профиля и на нем, держась руками за рамы окон можно было стоять.

Студенты, и я в том числе, очень часто летом, когда стекла трамвайных вагонов были опущены или сняты, пользовались таким способом передвижения на трамвае.

Добирались в эту Агафоновку и пешком, случалось и ночью. Бывало, что какие-то лихие саратовские парни «раздевали» даже бедных студентов.

При всей нашей бедности мы находили возможность ходить в кино и в театр. Иногда ходили на концерты. Тогда в Саратове жил слепой музыкант – выдающийся баянист Иван Яковлевич Паницкий. Я был на одном из его концертов. Исполнение им музыки было виртуозным, он мизинцем вел основную мелодию, а остальными пальцами выполнял всевозможные вариации и украшения. В то время по радио успешно выступало знаменитое трио баянистов Кузнецов, Попков и Данилов. Но один Паницкий был лучше их троих.

Когда в городе выступала наша студенческая футбольная команда, мы приходили «болеть». На все платные стадионы проникали через забор.

Частенько в общежитии не было воды, и мы отправлялись в ближайšie дома в Агафоновке, чтобы у кого-то из владельцев колодцев разжиться водой для готовки. От такой водички я на первом же курсе подхватил брюшной тиф, кризис болезни перенес на койке в общежитии, 17 дней пробыл в больнице, потом месяц поправлялся в деревне. Вернулся в институт к началу первой экзаменационной сессии, на первые два экзамена не пошел – не было зачетов, остальные 4 экзамена сдал, во время зимних каникул сдал оставшиеся два – закончил сессию без троек.

В нашей комнате в общежитии жили двое студентов Алексей Бурьян и Алексей Лысенко из Сталинградской области, которые в смысле питания жили сравнительно хорошо. Их отцы работали один председателем колхоза, другой – бригадиром тракторной бригады. У них всегда были мука, крупа, картошка, масло. Часто бывало сало и, даже, мясо. Мы же, беднота, жили очень трудно, доходили почти до дистрофии. Однажды я купил в вестибюле общежития у проходящей хозяйки пол-литра молока и понес кастрюльку с молоком к себе на четвертый этаж по лестнице. Зацепился ногой за ступеньку, упал и... потерял сознание.

После первой зимней сессии, когда все разъехались на каникулы, а я после болезни остался досдавать два экзамена, два Алексея отдали мне свои хлебные карточки и попросили в их отсутствие покупать для них в магазине хлеб. Я исполнял их просьбу добросовестно и к концу каникул их запас составил около 12 килограммов. Но, представляете ли Вы себе, какими глазами смотрел голодный студент на такое хлебохранилище? И я однажды не выдержал, съел примерно полкилограмма чужого хлеба. Ребята ничего не заметили, но меня долго мучила совесть за этот поступок, хоть я и пытался оправдать себя тем, что мне хоть что-то было положено «за услуги».

Алексея Бурьяна давно нет в живых, мне рассказывали, что он погиб на стройке под обрушившимся перекрытием. Судьбу другого Алексея не знаю.

Интересно и трудно сложилась судьба еще одного студента из нашей комнаты – Артема Колесникова. Когда во время подготовки к экзаменам мы успевали прочесть весь конспект или учебник и еще его повторить, Тимка успевал прочитать не более половины. То, что он прочел, он знал на «отлично», но если ему попадал билет на неп прочтенный материал, мог запросто получить «неуд». В институте уже существовал порядок, когда

студент, не сдавший за сессию хоть один экзамен, если это было без уважительных причин, лишался стипендии на будущий семестр. Наш Артем остался без стипендии один раз, второй... Его отец, врач из города Вольска, тоже, видимо, очень своеобразный человек, сыну написал, что он врач честный, взятки не берет, а его заработок не позволяет помогать сыну деньгами. Он писал, что сын обязан учиться так, чтобы стипендию получать и, если он это не сможет, значит, он должен быть не студентом, а грузчиком или ассенизатором. Такое вот спартанское воспитание! Оно едва не закончилось трагично. Кушать-то было нечего. Голодный парень перестал посещать занятия, стал почти ежедневно ходить на пристань и работал там грузчиком. На все наши уговоры он отвечал: «Что вы меня уговариваете! Я должен быть или грузчиком или ассенизатором». Артем занимался акробатикой и однажды на спор заработал булку хлеба за то, что на 4-м этаже в общежитии на перилах над проемом лестничной клетки несколько раз сделал стойку на руках. В нашем же институте, курсом старше учился старший брат Артема – фронтовик. Но и его увещевания на парня не действовали. «Вылечили» Артема... мешки с сахаром. Однажды поздно вечером он вернулся со своей пристани, долго сидел молча на кровати, пил чай, а потом...взял учебник. Кожа на его плечах была содрана до мяса. Оказалось, что на пристани пришлось грузить и таскать мешки с сахаром весом больше ста килограммов. У профессиональных грузчиков есть специальное приспособление «коза» – подставка на заплечных ремнях (никогда не слышали слово «козонос»?), которая позволяет удобно укладывать груз на спину и, сравнительно легко, его нести. А наш парень таскал мешки с сахаром просто на плечах. Диплом Колесников защищал вместе со всеми, хотя в силу своей обычной тихоходности, защищался последним, а накануне его защиты, вечером и ночью, мы, всей группой до поздней ночи обводили его чертежи тушью.

Однажды в общежитии произошло ЧП. Вечером иногда отключали свет. Когда в один из вечеров свет отключили, через несколько секунд раздался взрыв, а когда включили свет, – второй. Как потом оказалось, под общежитием или рядом проходил газопровод (жесткие нормы для прокладки таких сетей появились позже), и произошла утечка газа. В одной из комнат на втором этаже двое студентов играли в шахматы. Когда отключили свет, они решили доиграть, зажигая спички. От пламени первой же спички произошел взрыв, на входную дверь каким-то образом опрокинулся шкаф. Когда дверь все же открылась, выскочившие в коридор студенты из других комнат увидели двух парней в горящей одежде, пытающихся оттащить от

проема двери злополучный шкаф. Притащили огнетушитель, но он оказался неисправным, но потом все быстро потушили. У ребят обгорели лица, уши, руки. Они долго лечились, а потом занимались в институте по индивидуальному плану и нормально защитили дипломы. Второй взрыв произошел в момент включения света (видимо, от искры в электропроводке) – в помещении, где хранились постельные принадлежности. Тоже, сравнительно быстро, потушили.

Студенты и преподаватели

Дорожно-мостовой факультет имел специальности «МСО» - мостостроительное отделение и «ДСО» – дорожно-строительное отделение. На отделение МСО, даже во время поступления, подбирался народ серьезный, способный, я бы сказал, – «элита».

Из 3-х групп на нашем потоке отличников было человек 10-11, в том числе 7-8 человек из группы мостовиков. На нашей профилирующей кафедре мостов было два очень интересных, очень знающих и квалифицированных преподавателя – кандидат наук, доцент Борис Ефимович Улицкий и преподаватель Файн Яков Соломонович. Потом они защитили диссертации: Улицкий – докторскую, и переехал в Москву, в один из научно-исследовательских институтов, Файн – кандидатскую и перевелся в Ростовский инженерно-строительный институт. Б.Е.Улицкий в 1956 году написал книгу «Вопросы пространственного расчета балочных мостов». У каждого из них были свои методы преподавания: Улицкий требовал от студентов глубокой самостоятельной работы с книгой, Файн на лекциях и практических занятиях старался так доходчиво дать материал, многое продиктовать, дать таблицы, что даже не очень толковому студенту все было ясно. Я и до сих пор не знаю, что правильнее. Когда я сам читаю лекции, я придерживаюсь теории Файна, когда веду курсовое проектирование или что-то подобное, считаю, что в этих случаях лучше метод Улицкого.

Заведующим кафедрой мостов и тоннелей был профессор Александр Андреевич Милашечкин.

Теперь и у меня есть свои нестандартные правила работы со студентами. Приходит студент, который явно списал расчеты по курсовому проекту у товарища, но может объяснить все свои действия и каждую цифру. Получит хорошую оценку.

На нашем курсе была одна группа МСО и две группы ДСО, мужская и женская. Это потому, что все мужчины должны были проходить военную подготовку и, в дальнейшем, после прохождения лагерных сборов получить звания офицеров. Девушкам проходить военную подготовку не требовалось. Интересно, что в женской группе все же двое мужчин было. Мы их звали «мадам Шеин» и «мадам Кауров». Дело в том, что «мадам Кауров» уже имел офицерское звание, а «мадам Шеин» был «белобилетник» – освобожден от

воинской службы по здоровью. Во время всех пяти лет учебы в институте Шеин носил большую рыжую бороду и выглядел лет на 30-35. После защиты диплома он побрился, и мы увидели очень симпатичного 22-летнего юношу.

Я попробую вспомнить всех тех, кто учился вместе со мной в группе мостовиков и успешно защитился.

Архипов Владимир – очень моложавый, всегда опрятный и наглаженный, отличный простой парень;

Бабенко Николай – крупный, высокий, очень простой и добродушный, учился отлично;

Белоножкин Глеб Иванович – он был постарше нас лет на 10, участник войны, офицер, очень простой, хороший товарищ. Мы были с ним вместе на курсах повышения квалификации для главных инженеров управлений в Москве в 1954 году;

Борисов Владимир Сергеевич – участник войны, сержант, учился хорошо. Мы год жили в общежитии в одной комнате;

Борисова Анна Юрьевна – на ее точеные ножки и стройную фигурку оглядывались все парни. Жаль, она личиком немножко не вышла, но девушка была приятная, общительная, всегда успевающая студентка, дружила с Галей Горб;

Буранов Виктор – учился отлично. Он был из Саратова. Школу заканчивал вместе с Бабенко и Юлиным. Они трое как-то немножко жили в нашем общежитии, но потом решили, что лучше каждый день приезжать на занятия с противоположного конца города;

Бурьян Алексей – в шутку мы звали его «Трава» (бурьян же). Он – из Сталинградской области. Отец – председатель колхоза. Он самый был серьезный студент в нашей группе. Иногда не понимал наших шуток. Отличник, после окончания института быстро продвинулся, был начальником стройки, погиб при обрушении перекрытия, когда проводил совещание на объекте;

Витанович Эдуард – или просто «Вит», городской, из Саратова, вместе с Л.Макаревичем и А.Егоровым они пришли к нам попозже, со 2-го или с 3-го курса, добрейший и немного рассеянный, чуть-чуть не от мира сего. После окончания учёбы работал в каком-то институте, имел непонятно почему (он

же был очень толковый) нареkania начальства, и его из всяких депрессий пыталась выводить Клавдия Слепова;

Горб Анна – все звали ее Галя от украинского Ганна, красивая плотная брюнетка, добрая и добродушная, всегда успевающая студентка. Она была Анна Павловна, а мы звали ее «Анна Петропавловна»;

Горина Анна – мы звали ее Нюся. Она из Саратова, училась неплохо, на последнем курсе вышла замуж за преподавателя кафедры мостов Я.С. Файна. Они впоследствии переехали в Ростов. Я встречал ее несколько раз, но не видел уже очень давно;

Егоров Алексей – оригинал, учился хорошо, говорил: «Мне нужно получить диплом, а работать я буду...директором кондитерской фабрики»;

Заверткин Рэмир – тоже, парень, вроде ничего, с третьего курса – отличник. На втором курсе его избрали в состав комсомольского бюро факультета, а потом, и секретарем, и так до 5-го курса. Четырежды при тайном голосовании на выборах факультетского бюро получал голосов больше всех – видно, старался;

Злобина Людмила – для всех она была Люся, участница войны – медработник, училась отлично, в институте же вышла замуж и завела наследство, самая серьезная из женской половины нашей группы;

Карпов Геннадий – скромный средний студент, всегда готовый помочь товарищу, а если со всеми, хоть в атаку!

Колесников Артемий – прелесть-парень, я уже говорил о нем, «я должен быть не студентом, а ассенизатором или водовозом», но, ведь, закончил же институт и неплохо;

Копытин Александр – всегда бодрый, неунывающий, любил пошутить, умница, хотя это слово можно сказать об очень многих из этого списка, я слышал, что он работал в Куйбышеве заведующим строительным отделом обкома партии;

Макаревич Алексей – такой длинный, несколько нескладный, очень добродушный парень, всегда шутил, в первую очередь над своим приятелем Эдиком Витановичем;

Мещеряков Николай – я почему-то помню его хуже всех, он как-то был всегда в середине, но тоже закончил институт нормально;

Надежко Артур – он из Аркадака, из простой семьи (Артур Акимович), отличник, умный и энергичный, в советские времена был заместителем Министра автомобильных дорог РСФСР. Мы с ним в институте очень дружили;

Оксенгендлер Григорий – невысокий рыженький симпатичный еврей в очках, в шутку мы звали его «Гришка – кислород», оксигениум и Оксенгендлер, согласитесь, похожи. Учился прилично, всегда попадал в какие-нибудь казусы. Однажды на лекции спросил Я.С. Файна: «Зачем на перильных ограждениях моста делают не только перила, но и параллельную перилам полосу на середине высоты перил?». Файн ему отвечает: «У Вас дети есть?». Гришка смутился: «Нет, но будут, наверное». Файн: «Вот, когда у Вас будут дети, и они придут на этот мост с ограждениями без промежуточной полосы, они упадут с моста в реку»;

Перепонов Николай Васильевич – или, в нашем «просторечьи» - «Пленочкин». Мы немного жили в одной комнате в общежитии. Тоже хорошо учился, был прилежный, упорный студент. Работал управляющим саратовским трестом «Стальмонтаж». К сожалению, рано умер;

Пчелинцева Нина – высокая, на вид очень простая девушка. Учеба давалась ей нелегко, но она упорно все сдавала и не отстала от группы, защищалась вместе со всеми;

Сальникова Нина – самая скромная и тихая девушка из группы. Учиться ей было не просто, но она защитилась;

Слепова Клавдия – она тоже из Саратова, подруга Нюси Гориной, училась в одной школе с Бабенко и Юлиным. С учебкой у нее не всегда получалось, но совсем отставать она себе не позволяла, очень добрая и отзывчивая;

Фильченко Григорий Дмитриевич – он был из какой-то саратовской глубинки, всегда уравновешенный, обстоятельный, еще в институте женился. В учебе иногда отставал, но это бывали досадные случайности. Один год мы жили в общежитии в одной комнате;

Юлин Виктор – бессменный староста группы и вообще лидер по натуре, твердый, серьезный, отличник учебы;

Какие это были студенты, какие это были люди! К сожалению, приходится говорить «были», потому что некоторых уж нет.... Все учились

очень добросовестно. Чтобы кто-то поступал по принципу «лишь бы сдать», этого просто не было. Уверен, что абсолютно все стали хорошими инженерами. Все были отличные ребята и девушки. Ни одного человека подлого, непорядочного! Дай Бог здоровья всем из них, кто сегодня здравствует и светлая память тем, кто ушел из жизни.

После института встречался с некоторыми другими выпускниками института: Виктором Михайловичем Коровиным, который работал главным инженером одного из монтажных управлений в Оренбурге, и Евгением Могилой – секретарем Новотроицкого горкома комсомола.

Студенческая самодеятельность

Среди студентов нашего института не было ни одного наркомана и ни одного алкоголика. Мы тратили свое время на учебу, спорт, общественную работу, художественную самодеятельность, на танцы, кино и театр, на ухаживания за девушками. У нас были команды (не по одной) по баскетболу, футболу, волейболу. Работали спортивные секции по спортивной и художественной гимнастике, по стрельбе, тяжелой атлетике, гребле, легкой атлетике, теннису, всем зимним видам спорта. В институте была прекрасная художественная самодеятельность: драмстудия, которую кружком назвать просто нельзя. Они, например, отлично ставили «Любовь Яровую» Тренева. Балетная и вокальная студии, хор, целых три оркестра, которыми руководили профессиональные артисты и музыканты. Руководителем эстрадного и оркестра народных инструментов был молодой композитор Виктор Лацков, духовым руководил сначала старейший музыкант кларнетист Александр Григорьевич Петрушков, через год – профессиональный трубач Виктор Кузьмин.

Среди наших студентов были очень талантливые ребята. Студент Анатолий Смурыгин читал монолог Незнамова из «Без вины виноватые» не хуже, и, по-моему, даже лучше, чем артист Владимир Дружников. Его голос «с надрывом» не оставлял никого равнодушным в зале. Михаил Гольцев и Юрий Вачугов выдавали такой конферанс, что все держались за животы. А дуэт Борис Мысенков – Юрий Вачугов прекрасно исполнял фронтовые песни.

Наша самодеятельность успешно выступала на городских и областных смотрах, на многих торжественных мероприятиях. Выступления неизменно начинались исполнением хора – человек 90 – кантаты о Сталине (так было):

От края до края, по горным вершинам,
Где горный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ.

Великолепная музыка Александрова. В конце кантаты – по-музыкальному «кода» - сильная и величественная мелодия под звуки литавр, высокие сигналы труб, резкие и торжественные, даже у нас – исполнителей

вызывала дрожь. Я ходил на некоторые репетиции хора и даже иногда в составе хора выходил на сцену.

Немедленно стал играть сразу в двух оркестрах, в духовом на кларнете и в оркестре народных инструментов – на домре альте. Оба оркестра выступали на институтских концертах, а духовой еще играл гимн СССР на торжественных собраниях, вел колонну института на демонстрациях, играл на вечерах танцев (от этого мы имели небольшую копейку). Иногда мы сами, без руководителя играли на похоронах, тоже зарабатывали небольшую денежку. Тогда катафалков не было, и похоронная процессия до кладбища шла пешком. Во время этого печального пути оркестр почти все время играл. Я немного научился играть на малом басы «С» и на похоронах надевал на себя этот нелегкий инструмент. В духовом оркестре я долгое время был старостой.

У нас проводились факультетские смотры художественной самодеятельности. Наш дорожно-мостовой факультет неизменно выставлял на такие смотры-концерты струнный оркестр из мандолин, гитар, домр и балалаек. Была даже балалайка-контрабас. И я неизменно выступал в этом оркестре, играл на мандолине. Не обходилось и без курьезов. Однажды мы ставили какой-то небольшой детективчик, в котором я играл роль полицейского комиссара. Когда шли из общежития на концерт, ребята предложили выпить по кружке пива и попросили буфетчицу влить в каждую кружку по 50 граммов водки. Стало как-то веселее. Мой выход на сцену начинался словами: «Здравствуйте! Я – полицейский комиссар!». Выхожу: «Я – полицейский комиссар!», показываю удостоверение (студенческий билет). А тот, кого я должен арестовать – шпион, это был Артур Надежко, стоит передо мной и едва ли не хохочет, лыбится во весь рот, пытаюсь скрыть от зрителей выражение своего лица, никак не подходящее к содержанию пьесы. Я забыл все слова, но по ходу событий мне полагалось сесть за стол, что я и сделал. Там у меня лежал текст моей роли, и все поправилось. После спектакля спрашиваю Артура: «Ты чего ржал?». «А ты бы сам посмотрел на себя со стороны. Вижу, заходит «комиссар» совершенно пьяный, говорит что-то не очень суразное...». Говорили, что в зале ничего не заметили.

Мы находили время и какие-то очень небольшие деньги, чтобы сходить на спектакли в театр оперы и балета имени Чернышевского и в театр драмы имени К. Маркса.

Среди студентов, особенно фронтовиков, было много очень способных людей. Еще когда мы учились, нашего однокурсника с автомеханического

факультета Бориса Мысенкова избрали первым секретарем Октябрьского райкома комсомола города Саратова. Он успешно совмещал эту работу с учебой.

Студенты – бывшие солдаты и офицеры

1946 год, когда я поступил в институт, был первым послевоенным годом и в вузы пришли очень много парней, правильнее сказать молодых мужчин, демобилизованных из армии. При их поступлении в институт многие экзаменаторы делали им поблажки, а заведующий кафедрой химии профессор Дадонов на вступительных экзаменах и во время экзаменационных сессий откровенно оберегал ребят-фронтовиков от своих двух свирепых ассистенток. Отличить бывших военных, было просто - они продолжали носить гимнастерки, галифе, кители. В институте они учились, в основном, на автомеханическом факультете. Среди наших студентов-фронтовиков было два Героя Советского Союза: старший лейтенант Виталий Суханов и старшина Виталий Кардашенко. Суханов был отличником, но и Кардашенко был всегда успевающим студентом. Оба были хорошие, скромные молодые люди.

Запомнился один эпизод. В институте была военная кафедра и всем выпускникам – инженерам, потом присваивались офицерские звания. Но для этого надо было еще пройти лагерные сборы при одной из воинских частей. Такие сборы были обязательными и для всех фронтовиков, не имевших офицерских званий. Пришлось ехать на сборы и старшине Кардашенко. Мы проходили военные сборы после 4-го курса в одной крупной инженерной части в городе Казани. Туда и обратно плыли по Волге на пароходе. Когда поплыли обратно, нам почему-то разрешили посадку только после того, как на пароход вошли все пассажиры, включая бабкок-торговок с многочисленными корзинами. Почти в трюме, 3-м классе мест не хватило даже для сидения. Днем мы бесцельно болтались по пароходу, а ночью пытались, кто как мог, устроиться спать. Но это было совсем не просто – даже, чтобы спать между полками, подстелив на полу газету, всем места не было.

Старшим нашей команды с нами плыл майор с военной кафедры. Кто-то из студентов отыскал этого майора, привел на нижнюю палубу и, указав на спящего на полу человека, сказал: «Посмотрите, товарищ майор, как отдыхает здесь Герой Советского Союза! Разве он не заслужил лучшего к себе отношения?». Майор начал будить спящего: «Товарищ Кардашенко! Товарищ Кардашенко! Пойдемте ко мне в каюту, отдохнете, как следует». Но старшина отказался, как ни уговаривал его майор.